

Винокурова Нина Николаевна

СЕМАНТИКА КОНЦЕПТА "ДЕТСТВО" В СКАЗКЕ А. ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ "МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ"

В статье восстанавливается структурно-семантическая основа сказки А. де Сент-Экзюпери "Маленький принц" как взаимодействие мира взрослых и мира детства. Семантика концепта "детство" во всем творчестве и в этом произведении писателя определяется как верность лучшим духовным проявлениям личности, своему предназначению, радостное, праздничное восприятие жизни, надежда на спасение, противостоящее смерти. "Детство", согласно смыслу сказки, - это состояние души, не безразличной к миру красоты и к голосу сердца, это жажда правды и целомудрие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 45-50. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, для осуществления успешной международной письменной коммуникации российским аспирантам и молодым учёным можно порекомендовать учиться на образцах научно-технических статей своих предшественников, желательно носителей языка, копируя речевые модели, знакомясь с международной терминологией, а не просто переводить свои статьи с русского на английский язык.

Список литературы

1. **Cuif J., Burghammer M., Chamard V., Dauphin Ya., Godard P., Le Moullac G., Nehrke G., Perez-Huerta A.** Evidence of a Biological Control over Origin, Growth and End of the Calcite Prisms in the Shells of *Pinctada Margaritifera* (Pelecypod, Pterioidea) // *Minerals*. 2014. Vol. 4. № 4. P. 815-834.
2. <http://www.citationmachine.net> (дата обращения: 06.02.2015).
3. <https://www.citethisforme.com> (дата обращения: 06.02.2015).
4. **Johnson D. B.** Recent Developments in Microbiological Approaches for Securing Mine Wastes and for Recovering Metals from Mine Waters // *Minerals*. 2014. Vol. 4. № 2. P. 279-292.
5. **Lisiecki A.** Titanium Matrix Composite Ti/TiN Produced by Diode Laser Gas Nitriding // *Metals*. 2015. Vol. 5. № 1. P. 54-69.
6. **Lucis M. J., Prost T. E., Jiang X., Wang M., Shield J. E.** Phase Transitions in Mechanically Milled Mn-Al-C Permanent Magnets // *Metals*. 2014. Vol. 4. № 2. P. 130-140.
7. **Madge S. V., Louzguine-Luzgin D. V., Inoue A., Greer A. L.** Large Compressive Plasticity in a La-Based Glass-Crystal Composite // *Metals*. 2013. Vol. 3. № 1. P. 41-48.
8. **Mullis A. M.** The Origins of Spontaneous Grain Refinement in Deeply Undercooled Metallic Melts // *Metals*. 2014. Vol. 4. № 2. P. 155-167.
9. **Pathak Sh. S., Blanton M. D., Mendon S. K., Rawlins J. W.** Mineralogical Transformation and Electrochemical Nature of Magnesium-Rich Primers during Natural Weathering // *Metals*. 2014. Vol. 4. № 3. P. 322-334.
10. **Wood A.** International Scientific English: Some Thoughts on Science, Language and Ownership [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tribunes.com/tribune/art97/wooda.htm> (дата обращения: 06.02.2015).
11. **Yates S. J., Kalamkarov A. L.** Experimental Study of Helical Shape Memory Alloy Actuators: Effects of Design and Operating Parameters on Thermal Transients and Stroke // *Metals*. 2013. Vol. 3. № 1. P. 123-149.

**GUIDELINES FOR THE POST-GRADUATE STUDENTS AND YOUNG SCIENTISTS
ON PREPARING THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL ARTICLES IN THE ENGLISH LANGUAGE
FOR THE PUBLICATION IN AN INTERNATIONAL JOURNAL**

Vasil'eva Polina Aleksandrovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Sveshnikova Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Mineral Resources University (University of Mines)
polina_vasileva2013@mail.ru; sveshnikova@smpi.ru

The article examines the basic rules to prepare a scientific and technical article in the English language for the publication in an international journal; the authors analyze the stylistic and grammatical peculiarities of the international scientific English with a view to identify the most typical mistakes in the written scientific speech of the Russian-speaking scientists.

Key words and phrases: scientific and technical article; written scientific speech; structure of a scientific article; analytical reading; international format *IMRAD*.

УДК 82.09:821.133.1-34

Филологические науки

В статье восстанавливается структурно-семантическая основа сказки А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» как взаимодействие мира взрослых и мира детства. Семантика концепта «детство» во всем творчестве и в этом произведении писателя определяется как верность лучшим духовным проявлениям личности, своему предназначению, радостное, праздничное восприятие жизни, надежда на спасение, противостоящее смерти. «Детство», согласно смыслу сказки, – это состояние души, не безразличной к миру красоты и к голосу сердца, это жажда правды и целомудрие.

Ключевые слова и фразы: сказка; летчик; Маленький принц; аллегория; мир детства; мир взрослых.

Винокурова Нина Николаевна, к. филол. н., доцент
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
nnvin@inbox.ru

**СЕМАНТИКА КОНЦЕПТА «ДЕТСТВО»
В СКАЗКЕ А. ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ»[©]**

«Будьте как дети» – одна из христианских заповедей. Это значит проявлять сокрытую в глубине души чистоту сердца, доброту и любовь, непосредственность, способность понимать прекрасное, верить в чудо,

приумножать свои таланты и дарования. В той или иной степени детство напоминает о себе каждому взрослому человеку, но взрослые часто предают его, изменяют самому себе настоящему. И если мы возвращаемся к себе, к своим истокам и делаем ставку на самое лучшее, что еще сохранилось под сотнями масок, под тысячью забот и сиюминутных пристрастий, мы находим ключ к спасению. Об этом сказка А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (1943). «Ибо я совсем не хочу, чтобы мою книгу читали просто ради забавы», – замечает писатель [7, с. 135].

Она адресована и взрослым, и детям одновременно, а точнее, ребенку, который живет в каждом взрослом. Сказка посвящена другу автора, Леону Верту, взрослому человеку. «Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому» – так начинается произведение. И далее писатель объясняет, что его друг находится в оккупированной немецкими фашистами Франции и нуждается в утешении. Но завершается посвящение уточнением. Экзюпери пишет: «...я посвящу свою книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение: Леону Верту, когда он был маленьким» [Там же, с. 126]. То есть, по мысли автора, сказка в качестве послания Леону Верту должна была мобилизовать дух его друга и пробудить в нем веру в непреходящую победу добра над злом при условии, если он не утратил все лучшие проявления мироощущения ребенка. В годы Второй мировой войны сказка прозвучала как обращение к людям с заветом сохранить любовь, жажду взаимопонимания и стремление делать добро.

В ней сконцентрирован весь опыт Экзюпери, летчика и художника. Тема отношений между миром взрослых и чудесным миром детей звучит в повести «Южный почтовый» (1929), в письмах к матери, в романе «Планета людей» (1939); отношения между Маленьким принцем и розой угадываются в любви Берниса и Женевиэвы из «Южного почтового»; о трагедии взрослых, в душе которых погибает ребенок, читаем в «Письмах к заложнику» (1943); воспоминания о детстве, образ мальчика в повести «Военный летчик» (1942) напрямую соотносятся с восприятием мира Маленьким принцем. О непонимании взрослыми, этими «выросшими детьми», мира душевных переживаний ребенка говорится в «Южном почтовом» и «Планете людей», а о пустыне Экзюпери пишет во всех своих произведениях.

Его произведения во многом автобиографичны: он рассказывает о повседневной жизни летчиков, о труде пилота, о радости, рождаемой этой профессией. Убеденный гуманист, он воспевал духовное богатство человека. Авиатор и писатель, взрослый и ребенок были органично слиты воедино в личности Экзюпери, что проявилось и в поэтической манере выражения этого мироощущения.

Чуть ли не в каждом своем произведении (а они все предельно автобиографичны) писатель часто погружается в воспоминания о своем детстве, находя в нем источник жизненных сил. В романе «Планета людей» (1939) он вспоминает, что не раз авария забрасывала его в сердце пустыни. Он, «всего лишь смертный, заблудившийся среди песков и звезд», не раз «засыпал под крылом самолета и ждал помощи» [Там же, с. 84]. И всегда в трудный час он отдавался «колдовству памяти», переносился мыслями в свое детство: «Был где-то парк, густо заросший темными елями и липами, и старый дом, дорогой моему сердцу. <...> я обретаю себя – в этом доме я родился, память моя полна его запахами, прохладой его прихожих, голосами, что звучали в его стенах. Даже кваканье лягушек в лужах – и то донеслось до меня. Мне так *нужны* были эти бесчисленные приметы, *чтобы вновь узнать самого себя...*» (*курсив наш – Н. В.*) [Там же, с. 41].

Именно в пустыне, именно перед лицом смерти Экзюпери остро ощущал себя взрослым, которому так не хватает детской веры в чудо, в неизменное спасение. В «Планете людей», рассказывая, как он в очередной раз «увяз в песках», Экзюпери, вопреки чувству одиночества и потерянности, предается дорогим его сердцу воспоминаниям: «...я вспоминаю игры моего детства, – пишет он в “Планете людей” – сумрачный и золотящийся парк, который мы населяли божествами, необъятное королевство, созданное нами на этом клочке земли, – весь-то он был с квадратный километр, но для нас в нем всегда оставались неведомые уголки, неоткрытые чудеса. У нас был свой мир, со своими устоями, здесь по-особенному звучали шаги и во всем был свой особый смысл, *в иных краях никому не доступный. Но вот становишься взрослым, живешь по иным законам* – и что остается от парка, полного теней детства – колдовских, ледяных, обжигающих?» (*курсив наш – Н. В.*) [Там же, с. 72]. Это позволяет вести речь о художественной реализации концепта «детство» в художественной картине мира автора. На наш взгляд, он получает свое конкретное смысловое наполнение именно в сказке о летчике и Маленьком принце.

Все темы и мотивы сказки «Маленький принц» – ответственности, любви, дружбы, верности данному слову и долгу, красоты подвига, жизни и смерти, радости восприятия мира, преданности делу до конца – намечены или звучат в предшествующих ей произведениях Экзюпери – «Южный почтовый», «Ночной полет», «Планета людей», «Военный летчик». В том числе тема взрослых и тема детства.

Сюжет сказки непрост, хотя, на первый взгляд, это может так и не показаться. Исследователи творчества Экзюпери справедливо вели речь о философско-аллегорическом смысле изображенных в ней событий [1, с. 142; 3, с. 27; 4, с. 13; 6, с. 347]. Образы персонажей имеют также символический смысл, кроме образа летчика; реплики зачастую представляют собой формулы жизни.

Маленький принц, единственный обитатель астероида В-612, на котором едва помещаются ростки баобабов, роза и три вулкана, прилетает на Землю людей. Он удручен тем, что не нашел общего языка с розой, с этим капризным цветком, за которым он любовно ухаживал и боялся, как бы розу не съел барашек. А в пустыне летчик потерпел аварию и пытается починить самолет и не пасть духом. В детстве он хотел стать художником, но взрослые не понимали его рисунков. Под воздействием взрослых он стал изучать точные науки и стал летчиком, то есть изменил самому себе, перестав быть художником.

В течение недели, которая понадобилась для починки самолета, Маленький принц помогал летчику преодолевать его одиночество, внушал ему веру в жизнь, пробуждал в нем оптимизм. Но, что важнее всего, он возвратил летчика к его духовным истокам, пробудив в нем дар художника. Маленький принц заставлял летчика рисовать (рисунки сопровождают повествование). Рассказывая о себе, о своей розе, о путешествиях по звездному пространству, он вновь пробуждал в летчике воображение, поэтическое восприятие окружающего мира. Своими маленькими уроками жизни он напоминал взрослому мужчине о высшем смысле существования человека, о мире души, то есть о самом главном («зорко одно лишь сердце»). Когда Маленький принц рассказал о своем любимом цветке и, страшась за его жизнь, разрыдался, летчик «и думать забыл про злополучную гайку и молоток, про жажду и смерть». «Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим, – признается он. – Как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня? Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез...» [7, с. 142].

Трагические обстоятельства, в которых оказался летчик, – одно из многочисленных проявлений общей личностной дисгармонии. Это убедительно продемонстрировал писатель. Цепь неурядиц началась, когда в праздничный мир ребенка неумолимо вторгся мир «серьезных» взрослых. Они не поняли детских рисунков и посоветовали заняться изучением точных наук. «Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками... я утратил веру в себя» (*курсив наш* – Н. В.) [Там же, с. 127]. Отрицательная оценка неправомерного совета взрослых содержится в горьком замечании летчика: «На своем веку я много встречал разных серьезных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше» [Там же].

Справедливо замечает Р. Грачев: «Появление Маленького принца в пустыне, его явление летчику, потерпевшему аварию, – это символическое напоминание взрослому о его “внутренней родине”» [5, с. 345], позабытой им в делах житейских. Трагедия взрослого в том, что в его душе погибает ребенок. Путь летчика к самовозрождению, к спасению души, к спасению в пустыне начинается с того, что Маленький принц просит его нарисовать ему барашка. Нарисовать, то есть вновь проявить то дарование, которое было утрачено в мире взрослых. И летчик опять начинает рисовать, причем его рисунки постепенно становятся понятны Маленькому принцу (залог взаимопонимания в будущем). Но пока еще они говорят на разных языках.

Уже расставшись с Маленьким принцем, летчик признается, что «купил ящик с красками и цветные карандаши». Он продолжает рисовать в память о своем маленьком друге, так изменившем его судьбу, и чтобы не стать «таким, как взрослые, которым ничто не интересно, кроме цифр» [7, с. 135]. К тому же текст сказки сопровождается авторскими рисунками, которые свидетельствуют об автобиографичности образа летчика и о значимости заключенной в них мысли о творческом самосозидании и о предназначении человека.

Мир взрослых и мир детей, как мир сказки и мир реальности, сопоставляются, противопоставляются, совмещаются. Это одна из поэтических особенностей произведения. На многочисленные вопросы принца, зачем цветам нужны шипы, если их все равно ест барашек, летчик, поглощенный мыслями об аварии, о том, что «воды почти не осталось», ответил, что «занят серьезным делом». И услышал: «Ты говоришь, как взрослый!» [Там же, с. 141]. А далее последовал урок, который преподал летчику Маленький принц, рассказав ему о планете, на которой жил человек с багровым лицом. «Он за всю свою жизнь ни разу не понохал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: “Я человек серьезный! Я человек серьезный!”... И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб» [Там же]. Этот диалог завершился тем, что летчик узнал о том, как любит Маленький принц свою розу и как он боится ее потерять. Летчик забыл «про жажду и смерть», про «серьезное дело», и его душа отозвалась на тоскующую душу маленького друга. Что может быть важнее, чем любовь и страх потерять любимого? И не менее важно научиться любить.

Рассказы Маленького принца об обитателях астероидов, имеющих закрепленный за каждым из них порядковый номер, иллюстрируют итоги жизни взрослых, живущих по своим правилам. Номера астероидов, пресловутые цифры, свидетельствуют о причастности мира живущих на них к миру взрослых независимо от того, что эти персонажи действуют в сказочном, фантастическом плане. Король находится в плену своего желания властвовать, отдавать приказания, иметь подчиненных, хотя бы одного. Честолюбец глух ко всему, кроме похвал. Пьяница пьет, чтобы забыть, что ему совестно пить. Деловой человек одержим страстью пересчитать звезды, чтобы «положить их в банк». Фонарщик занят хоть и полезным, но монотонным, изнуряющим трудом, поэтому он признается: «Больше всего на свете я люблю спать» [Там же, с. 158]. Географ – слишком важное лицо, чтобы путешествовать, и он записывает рассказы путешественников. Здесь вновь логика детства наталкивается на антилогику взрослых: когда Маленький принц предлагает занести в «толстенную книгу» географа цветков с его планеты, тот отказывается, объясняя, что цветы он не отмечает, потому что они эфемерны, а он пишет «о вещах вечных и неизменных», таких как горы или океаны. Рефреном к посещению астероидов звучат слова Маленького принца: «Право же, взрослые – очень странные люди...» [Там же, с. 153]; «Да, без сомнения, взрослые очень, очень странный народ...» [Там же, с. 154] и пр.

На седьмой планете, которую посетил Маленький принц, на Земле, планете летчика и планете Экзюпери, все правила, по которым живут обитатели астероидов, умножаются. Это поистине мир взрослых. Парадокс повествовательной манеры здесь, в XVI главе, заключается в том, что это уже рассказывает не Маленький принц, а летчик. Он дистанцируется от мира взрослых, наблюдая их как бы со стороны: «Земля – планета не простая! На ней насчитывается сто одиннадцать королей (в том числе, конечно, и негритянских), семь тысяч географов, девятьсот тысяч дельцов, семь с половиной миллионов пьяниц, триста одиннадцать миллионов честолюбцев – итого около двух миллиардов взрослых» [Там же, с. 163]. Здесь не требуется точность данных, так как автор, манипулируя числами, еще раз характеризует мир взрослых как власть цифр и точных наук

над человеком. Летчик даже в свое время оговаривается, что сообщил номер астероида В-612 (планеты Маленького принца) «только из-за взрослых», потому что взрослые любят цифры. Их интересует, сколько человек зарабатывает, сколько он весит, сколько стоит его дом и т.д., и им кажется, что они уже знают все об этом человеке. Глядя глазами Маленького принца на взрослых, летчик весело и иронично подытоживает: «Уж такой народ, эти взрослые. Не стоит на них сердиться. Дети должны быть очень снисходительны к взрослым. Но мы, те, кто понимает, что такое жизнь, – мы, конечно, смеемся над номерами и цифрами» [Там же, с. 135]. Следует иметь в виду, что рассказывает все это летчик, уже переживший встречу и прощание с Маленьким принцем, то есть человек, вернувшийся к своей «внутренней родине» и оценивающий себя как взрослого с дистанции времени и с учетом того положительного опыта, который он приобрел (в том числе и в IV главе).

Начиная с XVII главы, автор разводит понятия «люди» и «взрослые», явственно проявляет себя философский план. С. Г. Липнягова, ведя речь о жанре этого произведения, восстанавливает модель художественной системы философских повествований: наличие образов учителя и ученика (Лис и Маленький принц; Змея и Маленький принц), совмещение реального и вымышленного пространства [6, с. 347-348]. Сюда же следует отнести и решение темы жизни и смерти, темы вечности, а также вопрос о смысле жизни.

Грустным признанием звучит утверждение летчика: «Люди занимают на Земле не так уж много места» [7, с. 163]. А в следующем абзаце он ссылается на мнение взрослых, которое звучит прямым опровержением его заявления: «Взрослые вам, конечно, не поверят. Они воображают, что занимают очень много места. Они кажутся сами себе величественными, как баобабы. А вы посоветуйте им сделать точный расчет. Им это понравится, они ведь обожают цифры. Вы же не тратьте время на эту арифметику. Это ни к чему. Вы и без того мне верите» [Там же, с. 164]. «Расчет», «цифры», «арифметика» – атрибуты взрослых, без которых предлагает обойтись летчик. Он уже явно единомышленник своего маленького друга.

Маленький принц ищет людей на Земле, а значит тех, что живут на этой планете. В этом контексте понятие «люди» должно рассматриваться как понятие философского плана. Человек как венец творения должен являть собой образец поведения существа сознательного, нравственного и социального, обладающего творческим разумом и богатством духа. Он должен продолжать лучшие традиции своих предков и нести ответственность за судьбу своей планеты. Такого человека Маленький принц не находит, хотя «все дороги ведут к людям». Он узнает от крохотного цветка, что люди редко встречаются: у них нет корней, и их носит ветром. С высокой горы Маленький принц надеялся увидеть всю планету и «всех людей», но его взору предстали скалы, голос эха он воспринял как голос людей, поэтому подумал, что «у людей не хватает воображения», и они «только повторяют то, что им скажешь» [Там же, с. 168].

Лис научил Маленького принца ценить счастье в общении с другом, беречь любимого, быть верным своей единственной розе, которая так дорога, потому что «ты отдавал ей все свои дни», а значит, быть «навсегда в ответе за всех, кого приручил» [Там же, с. 174]. От него, учителя, Маленький принц узнал, что у людей есть ружья, что они охотятся. Обращает на себя такая деталь – Лис, позволивший Маленькому принцу приручить себя, открывший ему сущность дружеских отношений, сообщает, что у людей нет времени, они покупают вещи готовыми в магазинах, и делает вывод: «Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей» [Там же, с. 172].

Стрелочник подтвердил, что люди вечно спешат. Люди проносятся в поездах то в одну, то в другую сторону и сами не знают, чего ищут, и ничего не хотят. Мир детства заявляет о себе в реплике Маленького принца в ответ на слова стрелочника. «Одни только дети знают, чего ищут, – промолвил Маленький принц. – Они отдают все свои дни тряпичной кукле, и она становится им очень-очень дорога, и если ее у них отнимут, дети плачут...» [Там же, с. 175].

Из фрагментарно представленного земного опыта Маленького принца можно сделать заключение о людях на Земле, современниках летчика и Экзюпери, в массе своей лишившихся корней (в гамлетовском ключе – «распалась связь времен»), владеющих ружьями, разучившихся дружить и любить, утративших цель и смысл жизни (не знают, чего ищут) и ощущение свободы. В «Планете людей» упоминается поступок выкупленного из рабства чернокожего Мохаммеда: он потратил все свои деньги на подарки агадирской детворе. Экзюпери с восторгом замечает: «...на что ему эти деньги... они не утолят острое, жгучее, точно голод, желание быть человеком среди людей, ощутить свою связь с людьми» [Там же, с. 71].

Если образ людей в произведении прочитывается в социальном философском плане, то «взрослые» – это отнюдь не возрастная, но нравственно-психологическая характеристика людей. Быть свободным, щедрым, непосредственным, любящим, быть родом из детства – значит быть «человеком среди людей». Именно к этому и призывал Экзюпери. «Я родом из моего детства», – признавался он. И мы этому верим.

Однако летчик тогда смог починить самолет, когда обрел вновь самого себя, когда в нем художник из мира его детства одержал верх над закомплексованным взрослым. Произошло это у колодца в пустыне. Летчика с момента аварии тревожила мысль об иссякающем запасе воды. Когда воды не осталось, он, борясь с усиливающейся жаждой, постоянно возвращался к мысли о воде. Именно Маленький принц ведет летчика к колодцу в пустыне (само по себе необычайное явление). Аллегория понятна каждому: вода в пустыне – это источник жизни, жизнь. Путь к колодцу был труден, преодолевались усталость и сомнения. Главным же было то, что Маленький принц воскрешал в летчике художника. Своими детскими замечаниями он переводил проявление земных, физических ощущений и желаний на уровень философско-эстетического мироощущения, а то и нравственных побуждений. На вопрос летчика, знает ли он тоже жажду, его маленький друг ответил: «Вода бывает нужна и сердцу...» [Там же, с. 176]. Реплика принца о том, что пустыня хороша потому, что «в ней скрываются родники», понятна и летчику. Он «понял, почему таинственно лучится песок», вспомнив свое детство и старый-престарый родной дом, который тоже скрывал *тайну*.

Летчик уже иными глазами смотрит на Маленького принца. Взрослому открываются тайны мира души. Глядя на уставшего и спящего Маленького принца, которого летчик нес на руках, на его золотые пряди волос в лунном свете, он понимает, что «все это лишь оболочка. Самое главное – то, чего не увидишь глазами...» [Там же, с. 177], то есть мир души. Душа откликнулась на голос души, и летчик вдруг увидел внутренним зрением этот таинственный, непостижимый и сокровенный мир: «...трогательнее всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который лучится в нем, словно пламя светильника, даже когда он спит... И я понял, что он еще более хрупок, чем кажется. Светильники надо беречь: порыв ветра может их погасить...» [Там же].

Маленький принц не спешит утолить физиологическую жажду – он учит летчика слышать скрип ворота как пение колодца, любоваться игрой солнечных зайчиков на воде, приучает его видеть необычность в обыденном, а значит, смотреть на все глазами художника. В этом кульминационном эпизоде начинает звучать мотив единства человека с миром, с мирозданием, приходит понимание смысла жизни как пути к Истине. Выражением духовной жажды пронизаны строки: «Мне хочется глотнуть этой воды, – промолвил Маленький принц. – Дай мне напиться...» [Там же, с. 178]. Но это состояние передается и летчику, взрослому. Не случайно радость летчика у колодца с водой в пустыне, рожденная новым мироощущением, напоминает ему радость от рождественских подарков, когда он был ребенком: «Вода эта была не простая. Она родилась из долгого пути под звездами, из скрипа ворота, из усилий моих рук. Она была как подарок сердцу. Когда я был маленький, так светились для меня рождественские подарки: сияньем свеч на елке, пением органа в час полночной мессы, ласковыми улыбками» [Там же].

Радость творчества, мир детства и жизнь сердца – это узел всех смысловых нитей сказки. Человек не должен изменять своему предназначению, самому себе, иначе он может погибнуть. Летчик возвращается к своим жизненным первоисточкам, обретает силу духа, веру и надежду на спасение. Он начинает смотреть на все глазами Маленького принца, глазами «из детства», опять начинает рисовать, и, вопреки всем ожиданиям, ему удается починить самолет. Р. Грачев полагает, что исчезновение Маленького принца и горе летчика, вызванное этим, – это «трагедия взрослого, в душе которого погибает ребенок» [5, с. 345]. Нам представляется это утверждение неправомерным: летчик стал иным, в пустыне души взрослого ожил чистый родник детства, питающий помыслы и сердце. Свидетельством тому является смысл финала. Летчик мыслит образами Маленького принца – по ночам он слушает звезды (не считает их!), рисует, тревожится за жизнь розы на планете Маленького принца и слышит, как звезды тихо смеются. Лучшим доказательством того, что в летчике не погиб ребенок с исчезновением принца, является сама сказка, в которой рассказ ведет уже не столько летчик, сколько художник. Вспоминая встречу с Маленьким принцем, он изображает себя, попавшего в аварию в пустыне, как бы со стороны. Создается впечатление, что в сказке действуют два летчика: один – отягченный своими заботами, ограничивший свое жизненное пространство самолетом, другой – после эпизода у колодца в пустыне – открытый миру, человек вселенной, художник, для которого реальность не менее загадочна, чем чудо. Он не относит себя к взрослому, а значит, ребенок в его душе не погиб с исчезновением принца: «Взгляните на небо. И спросите себя: “Жива ли та роза или ее уже нет? Вдруг барашек ее съел?” И вы увидите: все станет по-другому... И никогда ни один взрослый не поймет, как это важно!» [7, с. 187]. Подобное мнение высказывает и С. Г. Липнягова, упоминая финал сказки, в котором рассказчик органично «объединяет мир Неба и Земли» [6, с. 348].

Кто такой Маленький принц как поэтический образ в контексте сказки? Е. Д. Гальцова, на наш взгляд, выражает общее мнение, что в сказке «два Сент-Экзюпери: один – в образе летчика-рассказчика, а другой – Маленького принца, в таинственном уходе которого пытались найти разгадку гибели его создателя» [2, с. 13]. Мы разделяем эту точку зрения. Можно сказать, что Маленький принц – это либо сам летчик в своем лучшем внутреннем проявлении, либо сон, мираж, но связанный с миром детства, с миром творчества, поэзии жизни. Под влиянием Маленького принца взрослый (летчик) возрождается и утверждается в незыблемости вечных истин. Устами младенца глаголет истина.

В оригинальной по содержанию и поэтической манере изложения сказке писатель не принес в жертву сюжетной занимательности глубину и серьезность анализа жизненных явлений. Самому автору удалось чудесным образом остаться человеком «с ребенком внутри» (по удачному выражению Р. Брэбери). Поэтому не только в сказку «Маленький принц», но во все произведения Сент-Экзюпери вторгается этот неповторимый и удивительный мир детства.

Список литературы

1. Ваксмахер М. Н. Французская литература наших дней. М.: Художественная литература, 1967. 225 с.
2. Гальцова Е. Д. В поисках нового языка // Сент-Экзюпери А. де. Южный почтовый. Ночной полет. Планета людей. Военный летчик. Маленький принц. Цитадель: сб. / пер. с фр. М.: НФ «Пушкинская библиотека»; ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 5-16.
3. Гиль О. Л. Зарубежная литература XX века: учебно-метод. пособие. М.: Флинта; Наука, 2011. 144 с.
4. Гребенникова Н. С. Зарубежная литература. XX век: учеб. пособие по курсу «История зарубежной литературы XX века». М.: Гуманит. изд. центр «Владос», 1999. 128 с.
5. Зарубежная литература XX века: практикум / составление и общая редакция Н. П. Михальской и Л. В. Дудовой. М.: Флинта; Наука, 1999. 416 с.
6. Липнягова С. Г. Методические рекомендации // Зарубежная литература XX века: практикум / составление и общая редакция Н. П. Михальской и Л. В. Дудовой. М.: Флинта; Наука, 1999. С. 345-350.
7. Сент-Экзюпери Антуан де. Планета людей. Маленький принц. М.: Знание, 1977. 192 с.

**SEMANTICS OF THE CONCEPT “CHILDHOOD”
IN THE FAIRY TALE “THE LITTLE PRINCE” BY A. DE SAINT-EXUPERY**

Vinokurova Nina Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
nnvin@inbox.ru

The article restores the structural-semantic basis of A. de Saint-Exupery's fairy tale "The Little Prince" as the interaction between the adult world and the world of childhood. The semantics of the concept "childhood" in the writer's creative activity and in this work is defined as loyalty to the best spiritual manifestations of the personality, someone's purpose, joyous, festive perception of life, the hope of salvation, resisting death. "Childhood", according to the fairy tale, is a state of mind, which is not indifferent to the world of beauty and the voice of the heart; it is a thirst for truth and chastity.

Key words and phrases: fairy tale; pilot; Little Prince; allegory; world of childhood; world of adults.

УДК 81'23

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению развития детской синтагматической речи. Опираясь на психолингвистическую теорию и результаты собственных наблюдений, автор создаёт модель развития синтагматической речи у ребенка с рождения до школьного возраста. Обладая общей тенденцией, следует иметь в виду, что различные типы синтагматических отношений имеют разную степень соотнесённости с ситуацией действительности, и поэтому трудности преодолеваются детьми в разное время и с разным результатом. Кроме того, овладение синтагматической речью в онтогенезе соотносится с использованием интонации (темпа, мелодика, паузация и т.д.), а также в значительной мере зависит от общения ребёнка со взрослыми, которые обуславливают возможность удовлетворения его потребностей.

Ключевые слова и фразы: онтогенез речи; синтагматическая речь; связная / контекстная речь; этапы развития синтагматической речи; синтагматическая фонетика; синтагматическая грамматика.

Влавацкая Марина Витальевна, д. филол. н, доцент
Новосибирский государственный технический университет
vlavatskaya@list.ru

ОНТОГЕНЕЗ РЕЧИ В СИНТАГМАТИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ[©]

Онтогенез речи, или теория усвоения языка является в настоящее время особой дисциплиной и имеет самостоятельный статус. Цель статьи – рассмотреть периоды развития синтагматической речи у ребенка, опираясь на результаты имеющихся наблюдений.

Актуальность данного исследования заключается в том, что овладение языком, рассматривающееся как «процесс постижения мира в общении с людьми благодаря знакам языка и превращению их во внутренние символы мышления» [2, с. 34], всегда был и остаётся важным социальным фактором, так как от полноценного развития речи у ребёнка зависит конечный результат реализации его коммуникативных целей во взрослом возрасте.

Научная новизна и теоретическая значимость проводимого исследования состоит в разработке и создании модели развития синтагматической речи у ребёнка, опираясь на наблюдения за детьми с их рождения до школьного возраста. Практическая ценность работы заключается в получении результатов, которые будут иметь значение при решении задач, связанных не только с изучением онтогенеза и обучением языку детей с задержкой развития, но и в учебных курсах по педагогике, психологии и психолингвистике.

Проблемой развития речи у детей занимались А. А. Леонтьев [9], Л. С. Выготский [3], Н. И. Жинкин [6], А. Н. Гвоздев [4], М. М. Кольцова [7], Н. И. Лепская [11], С. Н. Цейтлин [18] и др. Зарубежные исследователи также не оставляют без внимания эту проблему, что подтверждается работами J. Bruner [19], J. Bruner and H. Haste [20], J. Carrol [21], J. Cook-Gumperz, W. Corsaro, J. Streeck [22], D. McNeill [23] и др. В последних работах по онтогенезу речи прослеживается тенденция к выделению основных направлений изучения и развития детской речи, определению нерешенных вопросов методики развития речи учащихся, требующих психолого-педагогического обоснования [1]

Развитие внешней стороны детской речи может быть представлено следующими этапами [10]: 1-й – подготовительный (с момента рождения до 1 года); 2-й – дошкольный (от 1 года до 3 лет); 3-й – дошкольный (от 3 до 7 лет); 4-й – школьный (от 7 до 17 лет). В формировании синтагматической способности речи наиболее важную роль играют первые два этапа, которые, в свою очередь, включают такие периоды как: 1) дознаковый период (2 месяца – 11 месяцев), характеризующийся гулением и лепетом; в этот период формируется слогаделение, происходит структурализация речи, а также локализованность и коррелированность звуков; 2) период усвоения фонетики (11 месяцев – 1 год 7 месяцев), который соотносится с определением